

Предисловие

«Барсетширские хроники» — цикл из шести романов, опубликованных в 1855–1867 гг. и связанных местом действия (вымышленное графство Барсетшир) и несколькими сквозными персонажами, как в «Человеческой комедии» Бальзака. К тому времени, как был напечатан первый из них, «Смотритель», Тrolлопу было уже сорок. За предшествующие десять лет он издал три романа, два из ирландской жизни и один исторический; все три остались не замеченными публикой и принесли издателям одни убытки; после каждого молодому автору советовали забыть о литературной карьере, но он упорно продолжал писать — главным образом в разъездах по делам почтового ведомства, в котором служил. Позже, высмеивая свои тогдашние злоключения, Тrolлоп вложил в уста одного из героев такую фразу: «Издатель говорит, надо непременно обличить какие-нибудь безобразия нашего времени. Он предложил мне на выбор три или четыре: фальсификация пищевых продуктов, недостаток образования для бедных, уличная музыка и продажа ядов».

Потому ли, что решил взять этому совету, или почему еще, но в «Смотрителе» Тrolлоп затронул злободневный политический вопрос. В «Автобиографии» писатель рассказывает, что замысел «Смотрителя» родился у него в Солсбери, где он оказался по делам почтового ведомства. Солсбери с его древним собором стал прообразом Барчестера. В то время происходило несколько крупных скандалов, связанных с распределением церковных средств на благотворительность. Поскольку они упоминаются в «Смотрителе», о них стоит рассказать подробнее. Первое из них — дело Больницы Святого Креста, средневековой богадельни в Винчестере, неподалеку от Солсбери. С 1808 г. ее смотре-

лем назначили преподобного Фрэнсиса Норта, который после смерти двоюродного брата сделался графом Гилфордом (у Троллопа в романе он ошибочно называется Гилдфордом). Норт-Гилфорд был сыном епископа Винчестерского, так что место, без сомнения, досталось ему по протекции. Впрочем, он был добрым смотрителем и честно распределял средства между подопечными (около тысячи фунтов в год на 13 стариков в богадельне и каждодневные обеды еще для 200 бедняков), однако огромные суммы, выплачиваемые арендаторами при продлении аренды, шли лично ему, так что за сорок с лишним лет в должности он получил около 300 000 фунтов. В 1854 г. после парламентских слушаний и суда жалование Гилфорда урезали до 250 фунтов в год и обязали его вернуть часть денег за последние четыре года. В 1855 г. Гилфорд, не выдержав газетных нападок, ушел в отставку с поста смотрителя богадельни. Второй скандал был связан с епархиальной грамматической школой в Рочестере. В 1848 г. ее директор преподобный Роберт Уистон потребовал, чтобы настоятель и каноники проиндексировали стипендии двадцати ученикам школы, прописанные в соборном статуте 1545 г., как индексируют выплаты себе самим. Уистон на свои деньги напечатал обличительный памфлет, и его тут же уволили из школы. Однако он обратился в суд, который признал его виновным в клевете, но не счел клевету достаточно серьезной для увольнения. Уистона восстановили в должности, стипендии ученикам повысили. В оправдание рочестерских клириков следует добавить, что средства на ремонт школы и на обучение (оно было бесплатным) выплачивались в новых ценах, стипендии же, введенные после роспуска монастырей в качестве компенсации за то, что ученики не могут больше питаться за монастырским столом, не индексировали, поскольку считали архаическим пережитком.

В этих и подобных скандалах Троллопа, по его словам, поразили два противоположных зла и тот факт, что они еще не отражены в литературе. Первое зло — что средства, которые могли бы служить благотворительным целям, служат источником дохода для праздных священнослужителей. Второе зло — та ярость, с которой газеты обрушивались на держателей этих синекур, людей, которые сами ни в чем, собственно, не провинились. Ему пришла мысль, что оба эти зла можно обличить — вернее,

описать — в одном романе, изобразить ситуацию объективно и вникнуть в доводы обеих сторон. «Я мог изобразить жирного красноносого священника, открыто манкирующего своим долгом, жирующего на деньги бедных и пренебрегающего справедливыми упреками добродетельной прессы, — писал он в „Автобиографии“. — А мог нарисовать человека столь же доброго и кроткого, как мой смотритель, трудолюбивого и бедного Божьего служителя, которого какой-нибудь „Ежедневный Юпитер“ безо всяких оснований, из одной лишь личной ненависти клеймит в ядовитых анонимных статьях. Однако моя совесть отвергала оба пути. Я не верил ни в красноносого церковного хищника, ни в газетного убийцу». Сам Тrollop в «Автобиографии» пишет, что такой подход был ошибкой, что писатель будет силен, только если выберет одну сторону и будет держаться ее. Сейчас мы знаем, что это не так, сила Тrolloпа именно в способности понять и простить всех. Джордж Оруэлл, хоть и попенял ему за то, что он не на стороне реформаторов и «старая несправедливость, на его взгляд, часто не так плоха, как лекарство от нее», все же назвал «Смотрителя», «быть может, самым удачным» из романов Тrolloпа о церковной жизни и «одним из лучших его произведений».

Крохотного «Смотрителя» Тrollop писал очень медленно и закончил осенью 1853-го. Вышел роман в 1855-м. Издатель предложил Тrolloпу долю в прибыли — это значило, что автор получит хоть что-то, только если издатель продаст достаточно экземпляров и покроет свои издержки. За первые три книги, изданные на таких условиях, Тrollop не получил ничего, однако судьба «Смотрителя» оказалась иной. Книгу заметили, в печати появились хвалебные отзывы. В конце 1855 г. Тrollop получил от издателя чек на 9 фунтов 8 шиллингов и 8 пенсов, а в конце 1856-го еще один, на 10 фунтов 15 шиллингов и 1 пенс. (Все эти суммы, а также свои гонорары за следующие книги он скрупулезно привел в «Автобиографии».) О том, насколько это были ничтожные деньги, можно судить по тому, что в почтовом ведомстве Тrollop — быстро идущий в гору усердный и талантливый чиновник — получал к тому времени жалованье 800 фунтов в год.

Впрочем, мизерность суммы его не остановила. Поскольку работа не оставляла ему досуга и требовала частых разъездов, он писал в поезде — карандашом, а после отдавал жене переписывать. Так были написаны «Барчестерские башни» — с огромным удовольствием, как говорит Тrollop в «Автобиографии», хотя его и смущала необходимость писать в присутствии четырех или пяти соседей по купе. Издатель сразу предложил за них аванс 100 фунтов — при условии, что Тrollop сократит книгу на треть. Тrollop отказался наотрез: «Я мог бы сжечь рукопись и написать новую книгу, но я не представляю, как можно выкинуть два слова из шести». По счастью, ему удалось настоять на своем, и в 1857 г. «Барчестерские башни» были напечатаны в полном объеме. Сам Тrollop считал их неплохой книгой, но ставил не слишком высоко, утверждая, что своей популярностью они обязаны более удачным продолжениям. Тем не менее многие считают их его лучшей книгой. Согласно таблице в «Автобиографии», «Смотритель» и «Башни» (их часто издавали вместе) принесли ему в общей сложности 727 фунтов 11 шиллингов и 3 пенса.

Следующий его роман, «Три клерка», большого успеха не имел, и Тrollop вернулся в Барчестер. «Доктор Торн» написан отчасти в дороге — Тrolloпа отправили заключать почтовое соглашение с пашой Египта. Читая эту книгу, едва ли можно догадаться, что автор писал первые главы в каюте, то и дело вскакивая из-за стола, потому что страдал морской болезнью. Никаких обязательств писать книгу с той же регулярностью, что рабочие отчеты, у него не было, поэтому он сам установил себе нормы и ежевечерне записывал в дневнике итог за день — чтобы было стыдно, если норма не выполнена.

Переговоры с высокопоставленным египетским чиновником Нубар-беем (Нубар Нубарян, 1825–1899) шли неспешно, так что у Тrolloпа оставалось время писать. Он закончил «Доктора Торна» и на следующий день начал следующий роман, «Бертрамов» (именно по их поводу Толстой позже написал: «Тrollop убивает меня своим мастерством»). «Доктор Торн» вышел в 1858-м. Тrollop получил за него 400 фунтов; в «Автобиографии» он пишет, что, судя по суммарным тиражам, это была самая популярная его книга.

Три книги спустя (успев съездить в Вест-Индию, чтобы наладить наиболее удобные и быстрые маршруты для доставки почты) Тrollop вновь вернулся к Барсетширскому циклу. Вышло это так. В конце октября 1859 г. он получил от издателей журнала «Корнхилл», редактором которого был Теккерей, предложение: ему обещали 1000 фунтов за трехтомный роман для публикации частями в журнале, при условии что первый выпуск будет готов к 12 декабря. К письму издателей было приложено очень лестное и теплое письмо Теккерей.

Ни до, ни после Тrollop не публиковал роман в журнале по ходу работы, как делали многие его современники, — и потому, что автору надо иногда вернуться и что-нибудь поправить в начале, и потому, что не хотел умереть, оставив читателей с очередной тайной Эдвина Друда. Даже если роман печатали выпусками, он отдавал его издателю, лишь дописав до конца. Кроме того, его очень удивило, отчего у такого уважаемого журнала за два месяца до Нового года до сих пор нет главного произведения, которое будет публиковаться в следующем году. Впрочем, он быстро сообразил, что причина в прокрастинации — Теккерей намеревался писать главный роман сам, но так за него и не взялся и теперь решил спихнуть работу более молодому коллеге (Теккерей был старше Тrollopa всего на четыре года, но куда более знаменит). Расчет Теккерей оправдался — Тrollop не смог отказаться от такого лестного предложения. У него был уже почти написанный роман из ирландской жизни, но издатели попросили лучше «что-нибудь про Церковь». Им нужен был английский роман из английской жизни с клерикальным оттенком.

По пути обратно в Ирландию Тrollop сочинил сюжет «Фрамлейского прихода» и написал первые страницы. В «Автобиографии» он честно признается, что сюжет слеплен на скорую руку (он вообще не придавал большого значения сюжету, считая, что главное в романе — живые персонажи), зато герои удались, а Люси Робартс, по его мнению, получилась самой естественной из его английских девушек — «во всяком случае, из хороших девушек».

Осенью 1862-го в том же журнале начал выходить «Оллингтонский Малый дом» — самая мрачная из «Барсетширских хроник». Когда британский премьер-министр Джон Мейджор, боль-

шой поклонник Тrolлопа, назвал «Оллингтонский Малый дом» книгой, которую взял бы на необитаемый остров, а Лили Дейл — своей любимой героиней, журналистка «Дейли мейл» написала: «За все его время в правительстве я не слышала от него ничего более возмутительного! Я ненавижу Лили Дейл!» Впрочем, многие ее любят; предоставим читателям самим составить о ней мнение.

В 1864–1865 гг. выпусками выходил роман «Можете ли вы ее простить?» — первый роман Паллисеровского цикла. Цикл этот связан с «Барсетширскими хрониками» — Плантагенет Паллисер впервые появляется в «Оллингтонском Малом доме», а дочь архидьякона Грантли в качестве второстепенного персонажа присутствует в Паллисеровских романах, — однако он касается уже не церковной жизни, а парламентской.

«Последняя хроника Барсета» печаталась в 1866–1867 гг. ежемесячными выпусками ценою по 6 пенсов. О популярности Тrolлопа в то время можно судить по тому, что издатель сразу заплатил ему за рукопись 3000 фунтов. Сам Тrolлоп считал «Последнюю хронику» лучшей своей книгой, и по крайней мере часть читателей с ним в этом согласна. Она завершается такими словами: «А теперь, если читатель позволит мне ласково взять его под руку, мы вместе простимся с Барсетширом и барчестерскими башнями. Не смею уверять, что здесь мы вместе бродили по сельским аллеям, скакали бок о бок по лугам, стояли рядом в соборном нефе, слушая раскаты органа, сидели за столами добрых людей или сообща противостояли злобной гордыне дурных. Едва ли кто-нибудь, кроме меня, увидел эти края, и людей, и факты так живо, чтобы воспоминания, которые я пытаюсь сейчас вызвать, встали у него перед глазами. Однако для меня Барсетшир материален, я видел его шпили и башни, слышал голоса его жителей, ступал ногами по его мостовым. Всем им я говорю: „Прощайте“. Возможно, мне легче извинят, что я слишком долго бродил здесь из любви к старым друзьям и дорогим лицам, если я торжественно повторю обещание, данное в заглавии, что эта хроника Барсетшира будет последней». Зарок свой Тrolлоп выполнил (хотя в повести «Две героини Памплингтона» (1882) и упоминаются мельком дети людей, с которыми мы познакомились в Барсетшире), однако, по собственному его признанию,

некоторые герои Хроник (или их призраки) остались с ним до конца дней.

Персонажи Тrolлопа настолько вне времени, а чувства их настолько понятны любому, что читать «Барсетширские хроники» можно, не вникая в тонкости устройства англиканской церкви. Тем же, кто все-таки захочет в них разобраться, не обойтись без экскурса в историю. Реформация в Англии происходила совсем не так, как в континентальной Европе. Генрих VIII порвал в 1534 г. с Римом не потому, что проникся идеями Лютера (к лютеранству он относился отрицательно), а потому, что римский папа отказался развести его с первой женой. Генрих добился, чтобы парламент объявил его верховным главой церкви, провел секуляризацию церковного имущества, разогнал монастыри, а их земли отдал своим приближенным (оттого-то многие реальные и вымышленные английские поместья — Нортенгер, Даунтон — называются аббатствами; когда-то это и впрямь были аббатства), но долго сохранял в неприкосновенности католическое вероучение и то делал некоторые уступки протестантизму, то забирал их обратно. Более радикальная реформация началась при его сыне Эдуарде VI, но была оборвана после его смерти и восшествия на престол Марии Кровавой, которая попыталась вернуть в Англию католичество.

С воцарением Елизаветы I англиканская церковь возродилась. Были приняты «Тридцать девять статей» — изложение англиканского вероучения, компромиссного между католическим и протестантским. В итоге из всех протестантов англикане ближе всего к католикам как догматически, так и во внешней стороне богослужения. В отличие от католических священников, англиканские священники могут жениться, более того, в англиканстве нет требования безбрачия и для епископов. В отличие от других протестантских церквей, англикане сохранили и епископат, и иерархию духовенства; при этом архиепископов, епископов и настоятелей кафедральных соборов назначает правящий монарх по рекомендации премьер-министра; епископы заседают в верхней палате парламента в качестве «лордов духовных» — отсюда стремление премьера рекомендовать на епископские кафедры людей, близких к его партии. Тrollop, человек верующий и усердный прихожанин англиканской церкви, не позволял себе высказывать со-

мнения в правильности такой практики, но в одном из его романов католический священник ехидно спрашивает: «Неужто человек достоин выбирать вожатаев для чужих душ лишь потому, что бесконечными трудами преуспел в стремлении возглавить парламентское большинство?» Приходского священника назначает епископ, но по средневековой традиции право выдвигать этого священника (патронат) может принадлежать различным духовным лицам, университетам, корпорациям и некоторым мирянам, например помещику, на земле которого расположен приход. В описываемые времена право это было имущественным, то есть его можно было подарить или продать. Если в английском романе говорится, что кто-то купил сыну приход, это означает, что на самом деле он купил у обедневшего помещика патронат. При этом приход был фригольдом, свободным владением, и после назначения священника ни патрон, ни епископ не могли его сместить — только церковный суд.

Доход англиканского священника складывался из арендной платы с угодий, специально выделенных для поддержания церкви, и церковного налога (десятины). Различались «большие десятины» (с зерна, сена, леса и т. п.) и «малые» (с молока, мяса, шерсти, овощей и т. п.); в описываемое время они выплачивались уже не натурой, а деньгами. Система сложилась в Средние века в католической Англии, а после упразднения монастырей при Генрихе VIII значительно усложнилась: часть больших десятин, которые прежде шли монастырю, стали давать на откуп мирянам (например, Шекспир вложил свои накопления в право получать десятину в окрестностях Стратфорда). Приходы делились на ректораты, викариаты и постоянные куратства — еще одно наследие XVI века. Ректораты и викариаты сохраняли свои границы со времен роспуска монастырей, а там, где из-за роста населения требовались новые приходы, создавали постоянные куратства. Каноническая разница между ректором (*rector*), викарием (*vicar*) и постоянным куратом (*perpetual curate*) была невелика, а экономическая — огромна. Ректоры получали большие десятины, викарии — малые, постоянные кураты — фиксированную плату, часто очень невысокую, несмотря на большое количество обязанностей, лежащих на плечи одного человека, тогда как ректоры и викарии могли из своих доходов нанимать младших

священников. Во времена, о которых писал Троллоп, продолжались реформы, призванные хотя бы отчасти уменьшить экономическую несправедливость. В 1836 г. с этой целью была создана Церковная комиссия из духовных лиц и мирян. Одним из первых своих постановлений она уравнила доходы епископов; в 1840-м было уменьшено число каноников, а оставшихся обязали жить при соборе. До этого, например, при Даремском соборе было десять каноников, каждый получал 3000 фунтов в год; один из них занимал свой пост 49 лет и все это время провел в Париже. Сэкономленные деньги поступали в комиссию и шли на помощь бедным приходам — особенно расположенным в промышленных городах. Акт 1838 г. ограничил число приходов на одного священника двумя и дал епископу право требовать от священника, чтобы тот жил в своем приходе, а не за границей, как доктор Визи Стэнхоуп. Впрочем, действие закона было отсрочено — если на момент его принятия у священника было три прихода или больше, он сохранял их все до конца жизни; то же относилось и к доходу епископов.

Компромиссная «королевская Реформация» имела много далеко идущих последствий в вопросах куда более важных, чем административное или экономическое устройство англиканской церкви. Как сказала Н. Л. Трауберг в радиобеседах об истории английской литературы: «У Англии очень странная судьба, как в сказке, где девушка должна явиться одетая и не одетая, обутая и необутая, на коне и не на коне и прочее. Буквально такая же история с Реформацией в Англии. Там не было Реформации, и там не было Реформации». У истоков англиканской церкви стояли как люди, готовые признать верховенство монарха, но целиком принимающие католические догматы, так и тяготеющие к лютеранству и даже кальвинизму. Итогом стала большая неоднородность англиканской церкви, а многие вероучительные и обрядовые вопросы остались определены нечетко и, как показало время, допускали широкую трактовку. Предисловие к роману — не место для длинного богословского экскурса; читателям, которых этот вопрос заинтересует, можно посоветовать статью Сергея Булгакова из его «Справочника по ересям, сектам и расколам», который несложно найти в интернете. Здесь довольно будет сказать, что к началу XVIII века в англиканстве оконча-

тельно оформились два направления. Высокая церковь стремилась к преемственности по отношению к дореформенной церкви как в догматических вопросах, так и во внешней стороне богослужения (облачения, архитектура, музыка). Низкая стремилась уменьшить роль духовенства и таинств, отказаться от пышных богослужений, категорически отрицала почитание святых, поминовение усопших и многое другое, считая главным проповедь, личное благочестие и чтение Писания. В довершение сложностей Высокая церковь исторически оказалась связана с тори — консервативной партией старой земельной аристократии. Один из ее основоположников, архиепископ Лод, всецело поддерживал Карла I и отстаивал «божественное право королей»; после реставрации Стюартов к власти в церкви на время пришли его последователи, люто ненавидевшие все, в чем видели хоть малейший намек на пуританство. Соответственно, после «Славной революции» и при Ганноверах позиции Высокой церкви пошатнулись и усилилось положение Низкой церкви, исторически связанной с партией вигов, из которой позже возникла либеральная партия. Впрочем, в глазах многих к XIX веку даже Высокая церковь стала слишком протестантской, слишком омирщвленной. В тридцатых годах XIX века внутри Высокой церкви возникло так называемое Оксфордское движение (оно же трактарианство по серии публикаций «Трактаты для нашего времени» или пьюэнизм по имени одного из основоположников). Его зачинатели, в первую очередь оксфордские богословы Джон Ньюмен (1801–1890) и Эдвард Пьюзи (1800–1882), утверждали, что англиканство, православие и католицизм — три ветви единой Церкви, и ратовали за возвращение к древнему христианству и к истокам литургической жизни (в частности, за частое причащение). В современной англиканской церкви то, к чему призывали трактарианцы, стало нормой, но еще незадолго до того, как был написан «Смотритель», белые облачения на священниках и чтение службы речитативом вызывали массовые беспорядки; случалось, что ритуалистов штрафовали или сажали в тюрьму. Джон Ньюмен в своем возвращении к истокам не остановился на трактарианстве и в 1845 г. перешел в католицизм, стал католическим священником, а позже и кардиналом. Ньюмен был страстным проповедником, и многие обратились вслед за ним — среди героев

Троллопа есть и те, кто последовал за Ньюменом (католический священник в «Вот так мы теперь живем», которого Троллоп написал со своего знакомого), и те, кто, как Эйрбин, этого искушения избежал. Сам Троллоп был сторонником Высокой церкви и очень не любил евангелическое направление Низкой; он, безусловно, испытал сильное влияние Оксфордского движения, однако к крайностям пьюзеизма тоже относился с опаской, к тому же в политике был либералом и о высокоцерковных тори порой отзывался иронически. Тем не менее все его любимые герои — приверженцы Высокой церкви. Архидьякон Грантли, мистер Эйрбин, а также мистер Робартс и мистер Кроули из «Фрамлейского прихода» и «Последней хроники Барсета» близки к Оксфордскому движению, мистер Хардинг принадлежит к более традиционной школе. «Барсетширские хроники» полны мелкими деталями, связанными с этими спорами, — например, «две молодые дамы под вуалью, держащие в руках молитвенники с тисненными золотом крестами», которых мистер Хардинг встречает в Вестминстере, — несомненные пьюзеитки. Для представителей Низкой церкви кресты, свечи, а уж тем более ладан — «ритуализм» или даже «папизм». Мистер Слоуп, как мы узнаем из его проповеди в Барчестерском соборе, хотел бы запретить и церковную музыку. К таким, как Слоуп, Троллоп непримирим, других своих героев-священников рисует с любовью, не закрывая глаза на их человеческие недостатки. Ему не раз приходилось отвечать на критику современников, укорявших его в том, что он изображает духовенство без должного пиетета. Отметая эти упреки, он в конце «Последней хроники Барсета» говорит: «Сочиняя я эпическую поэму о служителях церкви, я взял бы за образец апостола Павла, однако, изображая таких священников, каких вижу вокруг, не смею отрывать от земли. Со своей стороны могу лишь сказать, что всегда буду рад сесть за щедрый стол архидьякона Грантли, если тот меня пригласит, или пройти по главной улице Барчестера под руку с мистером Робартсом из Фрамли, или в одиночестве посетить северный трансепт собора и уронить слезу перед скромным черным камнем с именем Септимия Хардинга».

Представляя «Барсетширские хроники» русскому читателю, необходимо упомянуть одну их особенность, которую невозможно сохранить в переводе: многие персонажи носят говорящие фамилии, причем чем более персонаж комичный и гротескный, тем более нелепая и говорящая у него фамилия; есть в романах и говорящие названия. Так, фамилия многодетного священника Куиверфула — *Quiverful* = *quiver* (колчан) + *full* (полный) — намекает на строки 126-го псалма: «Что стрелы в руке сильного, то сыновья молодые. Блажен человек, который наполнил ими колчан свой!», приход доктора Грантли зовется Пламстед; *plum* (букв. слива) означает в английском лакомый кусочек, жирный куш, доходное место; один из приходов доктора Визи Стэнхоупа носит название Эйдердаун — пуховое одеяло и так далее. Прием ко времени Тrolлопа был устаревшим — писатели второй половины XIX века не выводили в своих романах Милонов и Стародумов. Вот шутливая попытка представить героев, какими они могли бы стать в гипотетическом переводе русского современника Тrolлопа:

Дѣйствующіе лица:

Величаевскій, соборный протоіерей
 Оеофилъ Величаевскій, архидьяконъ, его сынъ
 Семптимій Твердинъ, соборный регентъ,
 смотритель богадѣльни
 Сусанна Септимьевна Величаевская,
 архидьяконша, старшая дочь о. Септимія
 Леля Твердина, младшая дочь о. Септимія
 Иванъ Ивановичъ Дерзовъ, врачъ, нигилистъ,
 женихъ Лели Твердиной
 Марія Ивановна Дерзова, старая дѣвушка,
 сестра Ивана Ивановича

Однако времена Хомякова, у которого диккенсовское Рождество стало Пасхой, давно прошли; его «Контора маклера Скруга и Марлева», его Степы и Марфушки умиляют, но в современном переводе совершенно невозможны. Конечно, силен соблазн назвать псаломщика Джо Муттерса Джо Бубнилсом, но великая

Ирина Гавриловна Гурова, сделавшая единственный за советский период перевод Тrollope, не стала называть мистера Куиверфула мистером Полноколчансом или мистером Многочадсом, и правильно — псевдоанглийские фамилии с русскими корнями звучат еще водевильнее оригинальных. Генри Джеймс в статье о Тrollope очень досадует на говорящие имена в первых «Барсетширских хрониках» и говорит, что мы можем поверить в фамилию Куиверфул и можем поверить в четырнадцать детей, но не можем поверить в то и другое вместе; насколько же труднее было бы поверить в живого человека по фамилии Многочадс! Переводчики остальных Хроник вслед за Гуровой оставляют персонажам английские фамилии, отступая от этого принципа лишь несколько раз — в случае особо гротескных персонажей или там, где того требовала игра слов.

Е. Доброхотова-Майкова

ГЛАВА I

Хайремская богадельня

Преподобный Септимий Хардинг не очень еще много лет назад был штатным священником в кафедральном городе *** — назовем его Барчестер. Скажи мы «Уэлс», «Солсбери», «Эксетер», «Херефорд» или «Глостер», в нашей истории могли бы усмотреть намеки на конкретных лиц, а поскольку речь у нас пойдет о соборном духовенстве упомянутого города, мы желали бы отвести любые подобные подозрения. Давайте считать, что Барчестер — тихий городок на западе Англии, примечательный более красотой собора и древностью зданий, нежели коммерческим процветанием, что западную его часть занимает собор с примыкающими строениями и что высший барчестерский свет составляют епископ, настоятель и каноники с женами и дочерьми.

Мистер Хардинг жил в Барчестере с юности. Красивый голос и любовь к церковной музыке определили его призвание, так что долгие годы он состоял в необременительной, но малоодоходной должности младшего каноника. В сорок лет он получил маленький приход неподалеку от города, что прибавило ему и денег, и обязанностей, а в пятьдесят сделался соборным регентом.

Женился мистер Хардинг рано; его старшая дочь, Сьюзен, родилась вскоре после свадьбы, младшая, Элинор, десятью годами позже. В то время, когда мы представляем мистера Хардинга нашим читателям, он жил с младшей дочерью, о ту пору двадцати четырех лет; жена его скончалась давным-давно, а старшая дочка вышла за епископского сына незадолго до того, как мистер Хардинг получил место регента.

Злая барчестерская Молва утверждала, что, когда бы не красота старшей дочери, ходить мистеру Хардингу в младших канониках до конца дней, однако Молва, вероятно, лгала, как с нею

частенько случается, ибо еще в бытность младшим каноником мистер Хардинг снискал всеобщую любовь, и та же Молва, прежде чем принялась корить его за получение регентской должности от друга-епископа, громко упрекала епископа, что тот все никак не позаботится о своем друге мистере Хардинге. Так или иначе, двенадцать лет назад Сьюзен Хардинг вышла замуж за преподобного доктора Теофила Грантли, архидьякона Барчестерской епархии и настоятеля Пламстедской церкви, а через несколько месяцев ее отец стал регентом Барчестерского собора (должностью этой, как нередко бывает, епископ мог распоряжаться по собственному усмотрению).

Здесь надо разъяснить некие примечательные обстоятельства, связанные с барчестерским регентством. В лето 1434-е представился ко Господу некий Джон Хайрем, барчестерец, сделавший состояние на торговле шерстью. Он отказал свой дом, а также земли за городом, до сих пор носящие имя «Хайремовы холмы» и «Хайремов выгон», на содержание двенадцати престарелых шерсточесов (неприменно уроженцев Барчестера, проживших в городе весь свой век). Хайрем завещал построить для них богадельню с домом для смотрителя, каковому смотрителю устанавливалось жалованье из дохода от упомянутых выгонов и холмов. Кроме того, будучи ценителем музыкальной гармонии, Джон Хайрем оговорил, что место смотрителя (с одобрения своего епископа) будет занимать кафедральный регент.

От тех дней и до сегодняшнего приют жил и процветал, — вернее, приют жил, а его земельное имущество процветало. Шерсть в Барчестере давно не чесали, так что епископ, настоятель собора и смотритель, как правило, определяли в богадельню стариков из своего ближайшего окружения: немощных садовников, дряхлых могильщиков, доживающих век пономарей, которые с благодарностью принимали уютное жилье и шиллинг и четыре пенса в день — выплату, положенную им по завещанию Джона Хайрема. Прежде — лет за пятьдесят до описываемых событий — они получали только шесть пенсов, а столовались дважды в день вместе со смотрителем, буквально как прописал в своей духовной старый Хайрем. Однако это было равно неудобно и смотрителю, и подопечным, так что, ко взаимному удовольствию всех сторон, включая епископа и барчестерское общество, завтраки и обеды заменили денежным содержанием.

Такова была жизнь двенадцати хайремских стариков, когда мистер Хардинг заступил на свою должность; но если про насельников приюта можно было сказать, что им повезло, куда в большей степени это относилось к смотрителю. На выгонах и холмах, где во времена Джона Хайрема пасли коров и косили сено, теперь стояли ряды домов, земля росла в цене от года к году и от столетия к столетию, так что, по мнению тех, кто смыслит в подобных делах, должна была приносить очень неплохой доход; тем же, кто в подобных делах не смыслит, доход этот рисовался баснословным.

Арендную плату за земли Хайрема взимал барчестерский джентльмен, занимавший при епископе должность управителя, — сын и внук людей, управлявших делами епископа и взимавших плату за земли Джона Хайрема. Чедуиков в Барчестере уважали; при жизни они пользовались доверием епископов, настоятелей, каноников и регентов, после смерти их хоронили в соборе. Никто из них не давал оснований упрекнуть себя в алчности или чрезмерной суровости, однако все они жили на достаточно широкую ногу и занимали высокое положение в барчестерском обществе. Нынешний мистер Чедуик был достойным отпрыском достойного семейства, и арендаторы на выгонах и холмах, а также на епископских землях епархии радовались, что у них такой почтенный и либеральный управляющий.

Много-много лет — трудно выяснить, с каких пор, быть может, с первых дней существования богадельни, — управляющий передавал доходы от земли смотрителю, а тот делил их между подопечными; остаток причитался ему в качестве жалованья. В иные времена у бедного смотрителя не было ничего, кроме дома, ибо выгоны заливало, а земли барчестерских холмов не давали урожая; в те скудные годы смотрители еле-еле наскребали ежедневное пособие двенадцати старикам. Однако постепенно все изменилось; выгоны осушили, холмы застроили, и смотрители по справедливости смогли вознаградить себя за былые тяготы. В плохие времена бедняки-подопечные получали, сколько положено, в хорошие — им не с чего было ждать большего. Таким образом доход смотрителя вырос; живописный домик рядом с богадельней стал вместительнее и краше, а должность сделалась самой желанной из многочисленных церковных синекур. Теперь